

УДК 343

*А.И. Алимova***ИНСТИТУТ СТАДИЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РЕТРОСПЕКТИВЕ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ ОТ ПЕРВЫХ ИСТОЧНИКОВ
ДО УЛОЖЕНИЯ 1903 г.: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙ, ИХ РАЗВИТИЯ,
ОТГРАНИЧЕНИЯ, ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И НАКАЗУЕМОСТИ**

Актуальность избранной темы исследования предопределена ее значимостью для российского уголовного права и обусловлена тем, что рассмотрение в исторической ретроспективе учения о стадиях совершения преступления позволяет провести глубокий и всесторонний анализ предпосылок, закономерностей и тенденций развития теории, нормативной базы и практики применения уголовного законодательства России в период с XVII по XIX в. до настоящего времени. Представляется теоретически и практически важным провести исследование в установленном историческом периоде института стадий совершения преступления с целью недопущения ошибок прошлого, рационального использования накопленного опыта для разрешения ряда спорных вопросов, требующих изучения и нахождения оптимальных путей решения в современный период. Автор рассматривает понятийный аппарат стадий совершения преступления через призму уголовно-правовых идей соответствующего периода, проблемы отграничения стадий, в частности, приготовления и покушения, наказуемости умысла на совершения преступления, покушения, негодного покушения, добровольного отказа от совершения преступления. Конкретизируя сферу предмета исследования, можно определить ее как совокупность законов, иных нормативно-правовых актов дореволюционного периода в области регулирования общественных отношений, составляющих содержание неоконченного и оконченного преступления, а также научные публикации (монографии, материалы периодической печати), касающиеся стадий совершения преступления и связанных с ними вопросов.

Ключевые слова: стадии совершения преступлений, приготовление, умысел, покушение, оконченное преступление, негодное покушение, негодные средства, добровольный отказ от совершения преступления.

В одном из первых источников древнего русского права – Договоре Игоря (ст.5)¹ встречается термин «покуситься», что свидетельствует о попытке выделения данной стадии совершения преступления. Давая оценку понятию покушения в Договоре, можно отметить как влияние византийского права, так и развитие самобытного русского положительного уголовного права. Также прослеживается зависимость размера наказания от последствий, а именно от результатов преступного действия, что видно при анализе преступлений против личности (преступлений личных): если в результате удара мечом наступила смерть жертвы – выплачивается вира, а если причинена рана – штраф в три гривны (Кар. 25).

Договор Игоря с греками можно отнести к первым юридическим памятникам, которые сложились под определенным влиянием римского права, что, собственно, можно сказать и о Договоре Олега с греками. Первый договор был подписан великим князем Олегом и византийскими императорами Львом и Александром в 911 г. (ряд историков датирует этот договор 907 г.²). Второй договор, подписанный в 945 г. между князем Игорем и греческими императорами Леоном и Александром, был составлен аналогично первому, но более подробно³. Большая часть договоров 911 и 944 г. содержит нормы, относящиеся к уголовному праву и процессу. В них устанавливается ответственность за различные преступления: за убийство, кражу, нанесение ран мечом или другими предметами, разбой, грабеж, похищения и укрывательство беглых рабов.

Первые исследования и юридические оценки древних источников русского права были сделаны в XVIII в., а фундаментальные исследования древнерусского законодательства относят к XIX в. В 1756 г. Штрубе де Пирмонт одним из первых писал именно об инкорпорации норманско-византийского законодательства в данные договоры. Аналогичной точки зрения придерживались Н.М. Карамзин, М.П. Погодин и А.Л. Шлецер. Вместе с тем И.Ф.Г. Эверс обосновывал самобытность древнерусского права и указывал, что нормы отражают «исключительно русское (скандинавско-

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. СПб., 1907. С. 90.

² Там же. С. 91.

³ Там же С. 93.

германское) право и частью византийское право»⁴. М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что в договорах Руси с Византией содержатся нормы «смешанного», «компромиссного права», то есть право в договорах ни чисто русское, ни византийское, так как составлено договаривающимися сторонами для соглашения русского обычного права с культурным византийским правом. Давая оценку договорам, исследователь находит преобладание в них именно норм русского обычного права⁵. Позиция и логика автора основаны на роли юридической договоров с греками как юридических памятников и следует из договорного характера документов как двусторонних соглашений.

Наиболее последовательно влияние восточно-римского права на договоры доказывал В.И. Сергеевич, который считал, что в договоре было положено «греческое право». Он писал, что значение договоров как памятников права сводится к тому, что они дают «нам новое право, проникнутое греческим понятиями».

Отличное от предыдущего мнения высказывал М.А. Шангин⁶, комментируя договоры русских с греками 945 г., где он находил нормы исключительно византийского права.

Влияние византийского права выражалось в изменении взгляда на преступление с субъективно-нравственного, существовавшего в период Русской Правды на подход объективно-юридический. Если в период Русской Правды в понятии преступления стояла на первом месте субъективная сторона преступления, то византийское право ставит на первый план объективный момент (внешнюю сторону, т.е. преступное действие) при определении существа преступления⁷.

По мнению А.М. Богдановского, именно вспомогательное влияние на развитие истинных понятий о преступлении и наказании в Древней Руси оказали, с одной стороны, греко-римское право, заключающееся в Кормчей и, вообще, византийские и христианские понятия церкви и духовенства, а с другой стороны, уже гораздо позднее – законные книги западной России (Статуты).

А.М. Богдановский особо отмечал, что настоящее воздействие христианских и византийских понятий на русское право начинается тогда, когда само русское общество силой собственного роста достигает их высоты и делается, таким образом, способным к их живому восприятию⁸. Ученый указывал несколько факторов воздействия на русское право, в то же время, отрицая заимствование из германского права в древнейший период истории России, несмотря на очевидные, схожие с древнегерманскими юридические явления и учреждения Древней Руси. С его точки зрения, данное обстоятельство дает повод думать о заимствовании, но легко объясняется самобытным развитием российского юридического быта⁹.

Представленные взгляды отражают три основные концепции, существовавшие в XIX в., характеризовавшие степень влияния римского права на российское законодательство.

1. Самостоятельное развитие российского права и российского законодательства (М.М. Сперанский, С.А. Муромцев, Ф. Леонтович). По мнению С.А. Муромцева, российская система права исторически сложилась и развивалась самостоятельно, без влияния римского права¹⁰.

2. Производный характер российского права, то есть российское полностью произошло от римского права, основывается на римских и византийских традициях (К.Д. Кавелин)¹¹.

3. Заимствование отдельных институтов и понятий римского права в определенные периоды развития российского права (Н.Л. Дювернуа, А.М. Гуляев, Н. Рождественский)¹².

В уголовном праве периода действия такого древнейшего памятника, как Русская Правда (XI–XIII вв.) уже существовали разделения покушения и оконченного преступления и соответственно наказания за них. Из анализа норм Русской Правды покушение рассматривалось как действие, начатое,

⁴ Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 175.

⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. СПб., 1907. С. 92.

⁶ Шангин М.А. Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 129.

⁷ Чебышев-Дмитриев А.П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Соч. А. Чебышева-Дмитриева. Казань: Тип. Университета, 1862. С. 125.

⁸ Богдановский А.М. Положения. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого, Рассуждение А. Богдановского. М.: Тип. Каткова и К⁰, 1857. С. 4.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции. М., 1875. С. 182.

¹¹ Шершеневич Т.Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 238.

¹² Дювернуа Н.Л. Значение римского права для русских юристов. Ярославль, 1872. С. 85.

но не достигшее цели (покушение), а для оконченного преступления необходимо, чтобы преступное сознание и воля перешли в действие, которое причинило бы вред. Поскольку догма российского уголовного права в тот период не получила своего развития, описание стадии покушения мы можем видеть в диспозиции личных преступлений. В качестве примера можно привести такое личное преступление, как удар мечом: за преступление оконченное – собственно удар мечом - 3 гривны продажи, а «если кто вынет меч, но не ударит, то гривна кун» (Кар. 20), что означает, что покушение наказывалось в три раза мягче оконченного преступления.

Рассматривая вопрос покушения при совершении имущественных преступлений, следует отметить, что данная стадия по Русской Правде вовсе не выделяется, то есть, казалось бы, ненаказуема. Фактически же вор, задержанный при попытке совершить кражу, мог быть убит или доставлен на княжеский двор для суда и наказания.

Таким образом, в основу назначения наказания были положены такие объективные факторы, как время совершения преступления. Волевой аспект имел место при назначении наказания за неоконченное преступление. Впоследствии в уголовном праве Московского государства постепенно складывается учение о степенях осуществления преступной воли в действии (стадиях), которое можно отнести к числу наименее развитых в тот период.

Изначально до Соборного уложения 1649 г. древнее русское право не знало понятия «стадия совершения преступления». Отмечается влияние греко-римских источников (рецепция) и на уголовные законы Соборного Уложения 1649 г., что нашло свое отражение, в том числе, в учении о покушении.

Соборное Уложение 1649 г. дифференцирует покушение в зависимости от видов преступлений, в частности, покушение предусматривается относительно преступлений личных (убийства ст. 8 гл. 12) и государственных (ст. 1 гл.2). Причем понятие покушения выделяется исходя из субъективного критерия вины, а именно различаются умысел голый и умысел, выразившийся в каких-либо приготовительных действиях, то есть извне.

Выделяется умысел против жизни и здоровья государя и карается смертной казнью, например, «кто учнет мыслить на государево здоровье злое дело... казнить смертию» (ст. 1 гл. 2).

Следует отметить неоднозначные и спорные оценки трактовки ст. 1 Соборного уложения 1649 г. в отечественной историографии в отношении наказания голого умысла. По мнению В.И. Сергеевича, «голый умысел против жизни и здоровья государя ... вел к совершенно таким же последствиям, как и само совершение»¹³.

Напротив, Г.Г. Тальберг полагал, что ст. 1 предусматривает не голый умысел, а умысел, осложненный приготовительными действиями, и словесные угрозы в адрес царя не наказывались смертной казнью¹⁴.

Вместе с тем более распространено мнение относительно именно голого умысла против жизни и здоровья царя¹⁵. Причем отмечается, что голый умысел в Соборном Уложении 1649 г. получил политическую квалификацию, поэтому карался смертной казнью и должен был выражен либо в словесной форме, либо в начальных приготовительных действиях.

Как видно из пометок на подлинном свитке Уложения, основным источником был Литовский статут 3-й редакции (1588 г), в частности, для первой часть Уложения (гл. 2-9), гл. 20 и фрагментарно гл. 10¹⁶. Имело место заимствование из Литовского статута формулировок государственных преступлений против жизни и здоровья царя, о чем свидетельствует сравнительный анализ норм соответственно Литовского статута и Соборного Уложения 1649 г., а также перечень помет на полях его свитка.

Вопрос о влиянии византийского права на Уложение 1649 г. в части именно уголовно-правового регулирования рассматривался в работе В. Линовского «Исследование начал уголовного

¹³ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903. С.142.

¹⁴ Тальберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 63-64.

¹⁵ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии / под. ред. Г.В. Абрамович, А.Г. Манькова, Б.Н. Миронова, В.М. Панях. Л., 1987. С. 140.

¹⁶ Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 г. в исторической литературе // Тихомиров М.Н. и Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961. С. 27-64; Чернов В.М. К вопросу о влиянии Литовского статута на Соборное Уложение. Краткое сообщение Института славяноведения Академии наук СССР. 1958. № 24. С. 83-89; Чернов В.М. Можно ли считать доказанным, что Литовский статут является источником V и IX глав Соборного Уложения // Славянский архив. М., 1963. С. 86.

права, изложенных в Уложении Алексея Михайловича»¹⁷ (1847 г.). Автор весьма осторожно высказывался о влиянии греко-римского права и ограничил его значение для Соборного Уложения 1649 г. По мнению В. Линовского, византийское право повлияло на Уложение 1649 г. через характер системы наказаний, выраженный в определении внутреннего соотношения между преступлением и наказанием по началам формального возмездия, разделении преступлений на государственные и частные, во введении членовредительных наказаний, формального взгляда на преступление.

В Соборном Уложении 1649 г. выделялись различные степени реализации умысла в зависимости от наличия действия: собственно умысел, так называемый голый и объединенный с каким-либо преступным действием, таким образом выраженный в нем, что было характерно для преступлений сложных, требующих длительной подготовки, состоящей из нескольких актов: если «деньги делать хотели, а не делали», то усечение пальцев, а если делали, – усечение руки (Указ 8 сентября 1661 г.).

Очевидно влияние социально-политических условий того периода развития государственности, юридического быта на размер наказания, в частности, умысел несвободного человека на жизнь своего господина наказывался наравне с покушением – членовредительством, а именно отсечением руки (ст. 22 гл.8. Соборного Уложения 1649 г.).

Соборное Уложение 1649 г. выделяет понятие «угроза» как покушение, в частности, угроза поджога влекла выяснение обстоятельств и отдачу виновного на поруки, а в случае пожара угрожавший подвергался пытке, но после оправдания не получал удовлетворения за муку (ст.202 гл.10). Следует отметить влияние на указанную норму Литовского статута. Угрозы убийством сразу предусматривала наказание для беспоместного человека в виде заключения в тюрьму, а с поместного человека взыскивалась «заповедь», то есть специальное дополнение наказания в виде угрозы, противопоставленной угрозе только в случае совершения им преступления, не достигшего цели, допустим, ранил, а не убил. Однако не разграничивается неудавшееся преступление и покушение. Надо отметить, что покушение наказывалось в некоторых случаях меньше, чем совершение (оконченное преступление). В соответствии с гл. 1 ст. 5 : «А будет ранить, а не до смерти убьет, и ему учините (не смертную а) торговую казнь без пощады и вкинути в тюрьму на месяц»¹⁸.

По Артикулу воинскому 1715 г. впервые была проведена дифференциация преступлений на оконченные и неоконченные, но без выделения приготовления и покушения. Голый умысел в преступлениях против ее величества наказывался наравне с совершением преступления, что достаточно четко описывалось в документе: «хотя в действо не приведено, но только воля и хотение было» и достаточно активно использовалось в правоприменительной практике первой половины XVIII в.

Артикул 1715 г. устанавливал равное наказание за неоконченное преступление по внешним препятствиям как за совершенное преступление за исключением отдельных преступлений. В качестве примера можно привести диспозицию изнасилования: «начато изнасилование женщины, а не оконченное, наказуется по рассмотрению», то есть без объяснения, почему оно не окончено (арт. 167). И диспозицию кражи: «ежели вор...пойман, или отогнан, или помешает ему кто, что ничего с собою не унес, шпицрутеное полегче наказать надлежит» (арт.185).

Наказ Екатерины II, напротив, исключает наказуемость голого умысла, в том числе и в отношении политических преступлений: «законы не обязаны наказывать никаких других, кроме внешних и наружных, действий». По мнению Екатерины II, законы не могут наказывать намерения. Притом необходимо действие, «которое изъявляет волю стремящуюся произвести преступление». Воля, проявляющаяся в преступном действии, характеризуется Наказом, прежде всего, как злая воля. Она возникает под влиянием страстей и может умеряться разумом.

Согласно ст. 201 Наказа, нельзя сказать, что действие, которым начинается преступление «...не заслуживало наказания, хотя меньше, нежели какое установлено за преступление, самую вещь уже исполненное». Из текста Наказа следует, что в основу разграничения покушения и исполненного преступления положены две стадии реализации воли вовне. Анализируя внешнюю сторону проявления воли в форме действия как элемент состава преступления, Екатерина II выделяет действие, выражающее «волю стремящуюся произвести самим делом: преступление», «действие, которым начинается преступление», а также действия, которые означают «преступление самую вещь уже испол-

¹⁷ Линовский В. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении Алексея Михайловича. Одесса, 1847. С. 58.

¹⁸ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии / под. ред. Г.В. Абрамович, А.Г. Манькова, Б.Н. Миронова, В.М. Панях. Л., 1987. С. 145.

ненное». В связи с чем Наказ предписывает «оставить большее наказание для исполненного уже преступления, чтобы тем начавшему злодеяние дать некоторое побуждение, могущее его отвлечь от исполнения начатого злодеяния». Нельзя не отметить развернутую мотивацию для частной превенции предупреждения преступлений.

В Своде законов Российской империи 1832 г.¹⁹ (с последующей редакцией 1842 г.), который пришел на смену Артикулу воинскому Петра Великого также сохраняются нормы о неоконченном преступлении, стадиях совершения преступления, покушении, умысле, оконченном преступлении, наказуемости неоконченного преступления. Согласно ст. 7 Свода законов 1832 г., были установлены три стадии совершения умышленного преступления: умысел, покушение и оконченное преступление. Причем существенно то, что при определении умысла понимался не голый умысел как таковой, а умысел, обнаруженный посредством того или иного фактического действия (ст. 8 Свода законов 1832 г.).

Самостоятельная статья была посвящена и покушению, которое понималось как обнаруженный действием умысел, который повлек в свою очередь преступные последствия (ст. 9 Свода законов 1832 г.). Наступление последствий было обязательно, что отграничивает действий при умысле от действий при покушении. Законодатель отмечает, что преступные последствия при покушении не наступали, если сам преступник добровольно отказался от доведения преступления до конца, либо оно не было доведено до конца по независящим от него объективным причинам.

В соответствии со ст. 10 Свода законов 1832 г. под оконченным преступлением понималось, что такое преступление исполняется «по предположенному замыслу, с предположенным вредом». Из анализа исследуемого понятия, формулировки оконченного преступления можно предположить, что законодатель включал приговорительные действия в стадию покушения и исходил из умышленного характера вины, материального состава преступления с обязательным причинением вреда как противоправного результата преступления. Поэтому формальный состав преступления оставался вне рамок уголовно-правового воздействия данного Свода законов.

Что же касается наказуемости неоконченного преступления, то Свод законов 1832 г. стоит на позиции меньшей наказуемости преступления и закрепляет, что подлежит меньшему наказанию добровольно оставленное покушение, а также действия, направленные на покушение, но не представляющие еще общественной опасности (ст. 115 (ст. 126 в ред. 1842 г.), ст. 117 (ст. 128 в ред. 1842 г.))²⁰. Кроме того, было установлено, что покушение, образующее самостоятельный состав преступления, подлежит наказанию, установленному законом за совершение оконченного преступления (ст. 116 (ст. 127 в ред. 1842 г.)).

Из сравнительного исследования теории уголовного права и законодательства первой половины XIX в. можно сделать общий вывод, что большей частью законодательные нормы отражали уголовно-правовые взгляды того периода развития российского уголовного права.

15 августа 1845 г. принимается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (вступило в силу 1 мая 1846 г.)²¹. В Уложении 1845 г., по сравнению со Сводом законов 1832 г., правовые нормы о стадиях совершения преступления более развиты и конкретизированы, имеют законченные формулировки, преодолены внутренние противоречия между диспозициями статей, предусматривающих наказуемость покушения. В ст. 8 Уложения 1845 г. закреплены следующие стадии совершения преступления: обнаруженный умысел, приготовление к совершению преступления, покушение на него и оконченное преступление. Диспозиция ст. 9 Уложения 1845 г. более четко и развернуто описывает понятие умысла, его внешнее выражение, в частности, признаком умысла было изъясление намерения совершить преступление, которое выражалось в угрозах, похвальбе или предложении совершить преступление, то есть словесно.

Особо нужно отметить, что в соответствии с нормой, изложенной в ст. 117 Уложения 1845 г., умысел на совершение преступления подлежал наказанию лишь при его обнаружении, которое могло иметь следующие формы: изъясление на словах, о чем уже говорилось, письменное изъясление или обнаружение посредством действия. Умысел на совершение преступления подлежал наказанию в случаях, прямо установленных законом, а наказание непосредственно зависело от категории преступления.

¹⁹ Свод законов Российской Империи. Свод законов уголовных. СПб., 1832.

²⁰ Свод законов Российской Империи. Свод законов уголовных. СПб., 1842.

²¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 225.

Отдельно ст. 97 Уложения 1845 г. было установлено, что наказание назначалось только в том случае, когда преступный умысел, приготовление к совершению преступления, покушение на него, оконченное преступление или проступок доказаны и вменены подсудимому в вину.

Особой защите подлежали жизнь, здоровье, честь императора, что выражалось в закреплении нормами ст. 263 Уложения 1845 г. ответственности за умысел на свержение монарха, лишение его свободы, ограничение его власти или умысел на применение в отношении императора и всех членов императорского дома, прежде всего наследника престола и супруги императора насильственных действий и назначении наказания в виде лишения всех прав состояния и смертной казни.

В Уложении 1845 г. отмечается принципиально иной, по сравнению со Сводом законов 1832 г., подход к вопросу добровольного отказа от преступления в части наказания. Законодатель детально регулирует момент добровольного отказа как на стадии приготовления, так и на стадии покушения и исключает наказуемость, если совершенное деяние не образовывало состав другого преступления. Даже при вынужденном отказе назначалось наказание менее строгое, чем за оконченное преступление.

Проводя сравнительное исследование Уложения 1845 г. и Свода законов 1832 г., можно отметить тенденцию гуманизации российского уголовного законодательства, проработку норм о стадиях совершения преступления, правил наказуемости, работу с понятийным аппаратом, терминологией. Следует учитывать, что ряд научных воззрений школы русского уголовного права нашли свое отражение в нормах Уложения 1845 г. Институт стадий совершения преступления развивался, конкретизировался, происходило взаимопроникновение науки, уголовного законодательства и судебной практики.

Дальнейшее развитие институт стадий совершения преступления получил в Уголовном Уложении от 22 марта 1903 г. Давая общую оценку Уложению 1903 г. и соглашаясь с мнением исследователей²², необходимо отметить, что данный законодательный источник был достаточно развитым уголовным законом, а степень систематизации и научная база закона соответствовали своему времени. Вопросам неоконченного преступления в Общей части были посвящены нормы, закрепленные в ст. 49, 50.

Согласно ст. 50 Уложения 1903 г., приготовлением к преступлению являлось: «приобретение или приспособление средства, для приведения в исполнение умышленного преступного деяния»²³. По сравнению со ст. 10 Уложения 1845 г. понятие приготовления в Уложении 1903 г. имеет более завершенную конструкцию, уточнено формой вины, с которой совершается приготовление. Вопрос о наказании приготовления решался в случаях, специально предусмотренных законом, но важным фактором, определяющим сущность наказания за приготовление, было то, что приготовление должно было быть остановлено по обстоятельству, не зависящему от воли виновного.

В Уложении 1903 г. содержится развернутая формулировка покушения по существу, его начало и окончание посредством объективных и субъективных элементов состава преступления. Статья 49 Уложения 1903 г. устанавливает, что под покушением понимается «действие, коим начинается приведение в исполнение преступного деяния, учинение коего желал виновный, не довершенного по обстоятельству, от воли виновного не зависевшему»²⁴. Законодательная формулировка покушения свидетельствует о том, что в описание включен волевой аспект виновного лица, то есть действие не должно быть завершено помимо его воли. Обязательным условием покушения являются незавершенность преступного деяния и безразличное отношение виновного к этому обстоятельству. В этой же статье законодатель прямо указывает, что покушение на проступки ненаказуемо (ч. 3 ст. 49 Уложения 1903 г.). И наконец, завершая юридическую характеристику покушения, ст. 49 предусматривает, что «покушение учинить преступное деяние очевидного негодным средством, выбранным по крайнему невежеству или суеверию, ненаказуемо».

Просматривается явная аналогия ч. 4 ст. 49 Уложения 1903 г. и ст. 115 Уложения 1845 г. (в ред. Закона 1864 г.), определяющих тождественные правила ненаказуемости покушения с негодными средствами. Статья 115 Уложения 1845 г. определяла, что не может считаться покушением использование предметов и средств, которые не могли нанести вред лицу, на убийство которого покушался преступник.

²² Агафонов Ю.А., Узоров И.В. Историческое развитие уголовного права России: учебное пособие. Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 2001. С. 79.

²³ Уголовное Уложение 22 марта 1903 года. С мотивами, извлечениями из обвинительной записки редакционной комиссии, представления Мин.Юстиции в Гос. Совете и журналов Особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Гос. Совета. СПб.: Изд. Н.С. Таганцева, 1904. С. 100.

²⁴ Там же. С. 99.

Правовые нормы, определяющие пределы наказуемости обнаружения умысла, по Уложению 1903 г. были более точно установлены по сравнению с правилами наказуемости умысла по Уложению 1845 г. Обнаружение умысла не подлежало наказанию, за исключением тех случаев, когда само деяние, которым был обнаружен преступный умысел, образовывало самостоятельный состав преступления. Речь шла о государственных преступлениях. Наказуемость обнаружения умысла на совершение преступления против государственной власти была установлена еще в Уложении 1845 г., а новеллой Уложения 1903 г. явилось установление наказания к подстрекательству «к составлению мятежнического сообщества, хотя бы таковое и не образовывалось»²⁵.

Самостоятельной нормы, предусматривающей понятие оконченного преступления, Уложения 1903 г. не содержит. Поэтому из анализа норм, посвященных преступному деянию, наказанию, условиям вменения, преступности деяний, можно сделать вывод, что преступление признавалось оконченным при наличии всех признаков состава преступления, установленного уголовным законом. Законодатель, скорее всего, исходил из предыдущего негативного опыта практики общих понятий оконченного преступления в Своде законов 1832 г. (ст. 10) и Уложении 1845 г. (ст. 12). Законодательно установленные понятия подвергались резкой, но справедливой критике за незавершенность, неопределенность формулировок, отсутствие всех признаков состава преступления и т. п.

Уложение 1903 г. разграничивало приготовление к преступлению и покушение на него. Добровольный отказ от преступления был выделен как самостоятельный институт. В понятии покушения основополагающим было то, что преступление окончено по обстоятельствам, не зависящим от воли субъекта. Покушение на негодный объект признавалось непроступным. В определенных строго установленных случаях покушение было наказуемо, но в меньшей степени, чем оконченное преступление.

Уголовно-правовые нормы, определяющие классификацию стадий совершения преступления, неоднократно подвергались существенным изменениям. Если в Своде законов 1832 г. выделялся умысел, покушение, включая приготовление (они сливались) и оконченное преступление, то в Уложении 1845 г. устанавливалась дробная четкая дифференциация стадий совершения преступления: умысел, приготовление, покушение и оконченное преступление, а согласно Уложению 1903 г., различались лишь приготовление и покушение.

Именно в уголовном законодательстве Российской империи XIX в. признавались в отдельных случаях возможность и необходимость наказуемости умысла, имеющего исключительную опасность для личности, общества и государства.

В соответствии со ст. 9 Свода законов 1832 г. приготовление входило в понятие покушения, изначально они сливались в единую стадию, именуемую покушением. Впоследствии законодатель попытался их разделить и четко обозначить. В Уложении 1845 г. приготовление рассматривалось как отдельная стадия и предполагало приискание или приобретение средств для совершения преступления (ст. 10).

Учение о покушении нашло свое отражение в уголовном законодательстве XIX в. Последовательно во всех источниках уголовного права покушение определялось как действие (ст. 9 Свода законов 1832 г., ст. 11 Уложения 1845 г., ст. 49 Уложения 1903 г.). В целом покушение определялось как начатое умышленное противоправное деяние, направленное на совершение преступления и не доведенное до конца. Развивая институт покушения, законодатель в ст. 121 Уложения 1845 г. различал неоконченное и оконченное покушение в зависимости от обстоятельств, по которым покушение не было доведено до конца. Однако не четкие формулировки статей, дающих понятие покушения в различных источниках, в отношении вида умысла вызвали много вопросов и трактовок. Так, согласно ст. 9 Свода законов 1832 г., покушение предполагает наличие «намерения», в ст. 11 Уложения 1845 г. уже «злого намерения» или совсем расплывчато – действие, «... учинения коего желал виновный» (ст. 49 Уложения 1903 г.). Вполне очевидно, что таким образом закон устанавливал умышленную форму вины при неоконченном преступлении, но не уточнял вид умысла.

В уголовном законодательстве XIX в. наказание за покушение на преступление уменьшалось, если оно не было доведено до конца в связи с добровольным отказом субъекта. Покушение на преступление, образующее самостоятельный состав, подлежало наказанию, установленному уголовным законом за оконченное преступление (ст. 115-117 Свода законов 1832 г.). Согласно ст. 120-122 Уложения 1845 г., наказуемость покушения зависела от причины, по которой преступление не было до-

²⁵ Есипов В.В. Указ. соч. С. 30.

ведено до конца, от близости покушения к оконченному преступлению и степени реализации умысла, а также исключалось наличие или устанавливалось отсутствие совокупности преступлений. Институт наказания в части установления меры ответственности за покушение на преступления представлялся проработанным, по сравнению с нормами Свода законов 1832 г., более демократичным и гуманным, в частности, при добровольном отказе от преступления лицо освобождалось от ответственности, а при вынужденном отказе – наказание назначалось в меньшей мере, чем за оконченное преступление. На основании уголовно-правовых норм Уложения 1903 г. за совершение неоконченного преступления наказание смягчалось относительно наказания, назначаемого за оконченное преступление.

Покушение на негодный объект, равно как и покушение на преступление с использованием средств, избранных по суеверию и невежеству, то есть с негодными средствами, признавались ненаказуемыми (ст. 115 Уложения 1845 г. (в ред. 1864 г.), ст. 47 Уложения 1903 г.).

Весьма поверхностно, указывая лишь один существенный признак, законодатель определял оконченное преступление, а именно, исключительно как деяние, повлекшее общественно опасные последствия (ст. 10 Свода законов 1832 г., ст. 12 Уложения 1845 г.).

Поступила в редакцию 12.03.2019

Алимова Анжелика Ирековна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ижевский юридический институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России).
426052, Россия, г. Ижевск, Заречное шоссе, д. 23
E-mail: a-alimova-27@mail.ru

A.I. Alimova

INSTITUTION OF THE STAGES OF A CRIME IN THE RETROSPECT OF CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA FROM THE FIRST SOURCES TO THE CODE OF 1903: ISSUES OF FORMATION OF THE CONCEPTS, THEIR DEVELOPMENT, LIMITATION, IMPLEMENTATION AND PUNISHABILITY

The relevance of the chosen research topic is predetermined by its significance for Russian criminal law and is due to the fact that examining the doctrine on the stages of a crime in a historical retrospect allows for a deep and comprehensive analysis of the assumptions, patterns and trends in the development of the theory, regulatory framework and practice of applying criminal law in Russia from XVII to XIX century to the present. It seems theoretically and practically important to conduct a study in the established historical period of the institution of the stages of commission of a crime in order to avoid past mistakes, rational use of accumulated experience to resolve a number of controversial issues that require studying and finding the best solutions in the modern period. The author examines the conceptual apparatus of the stages of a crime through the prism of criminal law ideas of the relevant period, problems of delimitation of stages, in particular, preparation and attempt, punishability of intent to commit a crime, attempt, faulty attempt, voluntary refusal to commit a crime. Specifying the scope of the subject of research, it can be defined as a set of laws, other regulatory acts of the pre-revolutionary period in the field of regulating public relations, constituting the content of an unfinished and completed crime, as well as scientific publications (monographs, periodicals) relating to the stages of a crime and questions associated with them.

Keywords: stages of commission of crimes, preparation, intent, attempt, completed crime, faulty attempt, faulty means, voluntary refusal to commit a crime.

Received 12.03.2019

Alimova A.I., Candidate of Law, Associate Professor.
Izhevsk Legal Institute All-Russian State University of Justice
(the branch of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russian Federation)
Zarechnoye shosse, 23, Izhevsk, Russia, 426052
E-mail: a-alimova-27@mail.ru